18+

САРМАТЫ

Последний Хан

Вячеслав Марченков

Вячеслав Марченков

Сарматы. Последний хан. Цикл «Древний мир»

«Издательские решения»

Марченков В.

Сарматы. Последний хан. Цикл «Древний мир» / В. Марченков — «Издательские решения»,

Книга «Сарматы. Последний хан» заключительная из серии книг о Сарматах. В этой истории рассказывается о дружбе Сарматского хана Олкаса и наследника вождя гуннов Аттилы, хана Эллака. В следствии роковых обстоятельств, случившихся с гуннами, судьба племени Сарматов висит на волоске от гибели.

© Марченков В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава первая 7
Гонец 7
Глава вторая 9
Налаженная жизнь 9
Глава третья 11
Встреча 11
Глава четвёртая 13
Мец 13
Глава пятая 15
Осада 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Сарматы. Последний хан
Цикл «Древний мир»

Вячеслав Марченков

© Вячеслав Марченков, 2026

ISBN 978-5-0071-5696-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В июле четыреста пятидесятого года в результате падения с лошади скончался император Феодосий второй. Двадцать пятого августа сестра императора Пульхерия возвела на престол Византии нового императора, военачальника Маркиана, который отказался выплачивать прежнюю дань гуннам. Восточный император объявил, что он не обязан платить назначенной Феодосием дани; и если Аттила будет оставаться в покое, то он пришлёт ему дары, но если будет грозить войною, то он выведет силу, которая не уступит его силе. Маркиан, разорвал все договоры с гуннами и, ожидая нападения гуннов, стал готовиться к войне.

Но Аттила на Византию не пошёл. Он считал, что она никуда не денется. Великий хан готовил поход на Западную империю Римлян. В это время на престоле вечного города — Рима сидел Валентиан третий. Он был ещё ребёнком, и за него правила мать. У её погибшего мужа была сестра Гонория. Сородичи, боясь, что она, выйдя замуж, посадит на престол своего мужа или сядет сама, её держали в темнице. Гонория — тридцатилетняя дева, переслала тайком Аттиле письмо, вместе с обручальным кольцом, с просьбой спасти её из плена. Хану эта идея понравилась. Он должен спасти несчастную принцессу и жениться на ней. Правда, жён у него было много. Но это мелочь. Вождь гуннов провёл дипломатическую подготовку, заключил союз с королём вандалов Гензерихом, кроме того, к нему перебежал один из князей франков с дружиной, умоляя помочь ему достичь власти.

К четыреста пятьдесят первому году Аттила был повелителем державы, простиравшейся от среднеазиатских пустынь до Рейна, от Студёного (Балтийского) моря до Ашкенакского (Черного). В его ставке всегда толпились короли и вожди различных племен. «Куда бы он ни повел глазом, тотчас же всякий из них представал перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось». Весной четыреста пятьдесят первого года Аттила перешел Рейн. Вновь запылали города и сёла. Снова потекла реками человеческая кровь. Судьба Рима висела на волоске.

Глава первая

Гонец

Тёмно-синие предрассветные сумерки ещё окутывали степь, а в кузне молодого хана уже кипела работа. Воздух наполнялся ритмичным звуком мехов и глухим лязгом металла. В центре помещения, освещённого неровным оранжевым светом кузнечного горна, стоял вождь Сарматов Олкас. Раздевшись до пояса, он с увлечением раздувал широкие меха. Его мускулистые руки двигались в привычном ритме, капли пота блестели на загорелой коже, а лицо раскраснелось от жара и удовольствия заниматься любимым делом. Широко улыбаясь, Олкас то и дело подначивал своего отца, который в стороне готовил заготовки для работы — аккуратно раскладывая железные прутья и проверяя остроту инструментов:

— Бату! Скажи, когда у меня появится брат? Вы с матушкой третий год живёте, как пташки заливаетесь друг перед другом, а желанного дитя нет. Это не порядок. Необходимо исправить такое положение дел.

Голос Олкаса звучал весело и задорно, в нём слышалась искренняя забота, смешанная с привычной фамильярностью. На что Сколот, немолодой уже мужчина с сединой в тёмных волосах и глубокими морщинами на лице, поднял голову и вздохнул. Он нехотя оторвался от своего занятия и ответил, стараясь скрыть улыбку:

— Мы уже староваты для этого. Тем паче, что у нас есть ты с Млавой и Родмир.

Но сын не отставал, смело подшучивая над родственником:

— Вот и я о том же! Мы с Млавой Родмира реже видим, чем вы с матушкой. Потому и необходимо вам срочно завести своё дитя, рождённое вами. Чтобы род наш крепчал, чтобы кровь Сарматов не ослабевала!

Олкас подмигнул отцу, и на мгновение в его глазах вспыхнули озорные искорки. Сколот покачал головой, не в силах больше сопротивляться напору сына, и шутливо поднял руки в знак капитуляции:

— Хорошо! Мы обязательно займёмся этим вопросом в свободное от кузни времени.

Олкас громко засмеялся, радуясь, словно ребёнок, что вынудил отца пойти на откровения. Его смех эхом разнёсся по кузнице, отражаясь от каменных стен. В этот момент в дверях появился силуэт высокого галла. Раб, облачённый в простую льняную тунику, низко поклонился, почти коснувшись лбом порога, и вымолвил, обращаясь к вождю Сарматов:

— Господин! К вам гонец с посланием от Великого хана Гуннов.

Лицо Олкаса тут же изменилось. Веселье мгновенно слетело с него, как опавшие листья с дерева. Он небрежно вытер руки о кожаный фартук, который носил поверх штанов, и взглянув строго на Сколота, грубо пробасил:

— Досмеялись! Пошли, отец, послушаем, чего хочет хан. Хотя и так понятно. Нужно готовиться к походу.

Они вышли из кузницы, оставив позади жар горна и запах раскалённого металла. Гонец, облачённый в богатые одежды с вышитыми символами Гуннов, стоял неподалёку, держа в руках свиток, перевязанный красной лентой. Его лицо было бесстрастным, но в глазах читалась усталость долгого пути.

В донесении, озвученном гонцом, гласилось, что великий хан Аттила призывает своих верных союзников — Сарматов — явиться к стану, полностью готовыми к великому походу. Слова звучали торжественно и грозно, эхом отдаваясь в сознании Олкаса. Он слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка бросая взгляды на отца.

Лишь только закрылся полог шатра за незваным гостем, сидевшая в углу на пуфике Млава чуть слышно всхлипнула. Она держала на руках маленького сына, укачивая его и поглаживая по спинке. Её глаза наполнились слезами, а губы дрогнули, предчувствуя долгое расставание с мужем. Олкас, обернувшись к ней, строго выговорил:

— Я ещё жив! Не реви. Не первый раз сарматы в поход ходят. Всё будет хорошо. Я вернусь, обещаю.

Его голос смягчился на последних словах, а взгляд стал теплее. Но он тут же взял себя в руки и, повысив голос, крикнул:

— Норис!

В проёме появился тот же слуга, который принёс весть о гонце. Он склонился в глубоком поклоне, почтительно вытянулся и произнёс:

— Я здесь, господин!

— Вызови ко мне Аршаина, Ревуна, Сола и Болуна. Немедленно! Нам предстоит многое обсудить.

Невольник кивнул и мгновенно скрылся за пологом.

Ора, услышав это, поднялась с кушетки и подойдя к мужу, взяла его за руку потянув к выходу:

— Пойдём, мой сокол. Скоро здесь будет шумно, а мне нужно тебя достойно собрать к отъезду. Чувствую, что этот поход будет самым кровопролитным из всех, в каких участвовали Сарматы.

Она говорила тихо, но твёрдо, хотя в глубине души она испытывала тревогу. Обратив внимание на Млаву, сидевшую, как и прежде, с ребёнком на руках, ханша добавила:

— Дочка! Пойдём с нами. Твой муж будет решать скоро важные вопросы. Да и дитю нужно поспать. Пусть он растёт сильным, пока отец будет защищать наш народ.

Млава кивнула, вытерла слёзы и встала, бережно прижимая к себе сына. Они вышли из шатра, оставив Олкаса наедине с мыслями о грядущем походе. В воздухе витало напряжение, а рассвет, наконец, начал окрашивать небо в алые тона — словно предвещая кровь, которая прольётся в ближайшее время.

Глава вторая

Налаженная жизнь

В шатре вождя племени было душно и жарко — плотные войлочные стены не пропускали ветра, а полуденное солнце раскалило пространство до предела. В воздухе витал терпкий аромат степных трав, которыми был устлан пол, смешиваясь с запахом кожи, металла и свежего мёда. Собравшиеся военачальники, вместе с ханом, удобно расселись по низким кушеткам, обитым мягкой овчиной. Слуги в бесшумных войлочных сапогах подавали им кружки с только что сваренным мёдом — напиток дымился, источая сладкий медовый дух. Воины, разгорячённые не столько жарой, сколько накалившимися разговорами, сильно вспотели, но продолжали обсуждать новый поход за Дунай.

— Два года уж войны не было, — уныло жаловался Ревун, допивая в кружке мёд и утирая рукавом пот со лба. — Люди стали привыкать к новой жизни. Чеслав Путятич, мне, как другу, избу отгрохал — добротную, с крепким крыльцом и окошком, затянутым бычьим пузырём. Дети радуются, бегают по избе, свободно им, не то, что в шатре, где шагу не ступишь без того, чтобы не наткнуться на сундук или копьё. А ныне соху подарил — настоящую, железную, не то, что наши деревянные самоделки. Распахали участок рядом с избой — полоску земли у самого ручья. Редьку с просом в землю кинули… Жаль бросать всё это.

Он вздохнул тяжело, поставил кружку на низкий резной столик и уставился в пол, будто видел перед собой ту самую полоску распаханной земли, молодые всходы, смеющихся детей у крыльца.

— Да знаю я, — согласился с ним Олкас, покручивая в руках тяжёлую серебряную серьгу. — Сам тебе ковал наконечник для неё, помнишь? Три дня сидел у горна, пока выправил как надо.

Он помолчал, провёл ладонью по короткой бороде и добавил:

— Только не пойти мы не можем. Не дадут нам здесь спокойного житья. Степь большая, а соседи злые — то дакийцы набегут, то другие племена позарятся на наши стада. Пока мы тут пашем да сеем, они соберутся да ударят разом.

— Это правда! — поддержал вождя Аршаин, высокий и жилистый воин с седыми висками. Его голос прозвучал твёрдо, без тени сомнения. — Не дадут. У меня старшая девка на выданье — красавицей выросла, вся в мать. Мужа нашёл для молодки — из соседнего рода, крепкий парень, работящий. Договорились с отцом его, по осени женить молодых. Готовиться бы, приданое собирать, свадьбу справлять… А идти нужно. Иначе не будет им счастья — ни свадьбы, ни дома, ни детей. Всё порушат, если мы сейчас отсидимся.

Сарматы с минуту помолчали, раздумывая каждый о своём. Кто-то рассеянно поглаживал рукоять кинжала, кто-то смотрел в полумрак шатра, словно видел там картины будущего — то ли мирной жизни, то ли кровавого боя. В щели между войлочными полотнищами пробивались тонкие лучи солнца, освещая пылинки, кружащиеся в воздухе. Где-то снаружи заржал конь, послышались голоса воинов — обычная жизнь шла своим чередом, не подозревая, что решается судьба всего племени.

После долгой паузы вновь заговорил Олкас. Он выпрямился на кушетке, расправил широкие плечи и обвёл взглядом собравшихся:

— Ну, так что будем решать, полководцы? Время идёт, а дела не ждут.

— Отдавай команду на сборы, вождь, — подытожил за всех Аршаин. — Аттила, видишь, как загнул, сроки нам выдвинул. Значит, надо торопиться. Если опоздаем, он сам придёт за нами — и тогда будет хуже.

Хан, обведя взглядом присутствующих на совете, хлопнул ладонью себе по колену с такой силой, что зазвенели браслеты на руке.

— Так тому и быть! — громко произнёс он, и голос его, низкий и властный, наполнил шатёр. — Собирайте войско, братцы! Два дня на сборы, и в путь! Пусть кузнецы куют наконечники, пусть женщины шьют новые рубахи, пусть конюхи проверяют сбрую. Всё должно быть готово к рассвету третьего дня.

Он помолчал, обвёл взглядом суровые лица соратников, задержал взгляд на каждом — словно запоминая их такими, какими они были сейчас: усталыми, задумчивыми, но готовыми к бою. Затем, повернув голову к молчавшему до сих пор Болуну и добавил:

— А ты, мой старый товарищ, как и прежде, выбери себе молодцов для охраны племени. На тебя ложится вся наша надежда за родных наших — жён, детей, стариков. Пусть они будут под надёжной защитой, пока мы будем вдали.

— Не подведу, вождь, — твёрдо ответил Болун, опёршись на одну руку, дабы подняться с кушетки. Его движения были неторопливы, но в них чувствовалась сила и уверенность многоопытного воина. — Можете там, в стороне чужой, воевать со спокойным сердцем. Я сам выберу лучших, проверю караулы, расставлю дозоры. Ни один враг не пройдёт незамеченным.

Он коротко кивнул остальным, повернулся и направился к выходу. Его тяжёлые сапоги глухо стучали по войлочному настилу. Остальные военачальники последовали его примеру, покидая шатёр вождя племени с тяжёлой душой. Каждый думал о своём — о доме, о семье, о предстоящем походе. Ветер, ворвавшийся в шатёр после того, как откинулся полог, развеял остатки дыма от жаровни и принёс с собой запах степи — сухой травы, полыни и далёкой грозы.

Глава третья

Встреча

Войско Сарматов двигалось стремительно — словно вихрь, подхвативший сухие листья. Воины легко миновали Балканские хребты: опытные наездники ловко обходили крутые склоны и узкие тропы, а их выносливые кони уверенно ступали по каменистой почве. Переправа через Дунай тоже не заняла много времени: сарматы действовали слаженно, будто годами отрабатывали этот манёвр.

Спустя ровно неделю после начала похода их армия достигла Паннонской равнины, где перед воинами открылась впечатляющая картина. Широкая, просторная земля, обычно казавшаяся бескрайней и пустынной, теперь была буквально заполнена людьми. К стану Великого хана стекались племена со всех сторон: их шатры, повозки и табуны лошадей теснились друг к другу, образуя хаотичный, но живой лагерь.

Воздух гудел от множества звуков: где-то вдалеке раздавались ритмичные удары барабанов гепидов, рядом слышался скачущий, отрывистый тембр речи остготов, чуть поодаль плыла плавная, певучая речь булгаров, а ещё крики погонщиков, ржание лошадей, скрип колёс повозок, всё это сливалось в единую симфонию ожидания.

Сарматам, привыкшим к простору степей и уединению, было непривычно ощущать себя частью такой толпы. Воины переглядывались, невольно сжимали рукояти мечей и озирались по сторонам не привыкшие к столь плотной близости чужих племён. Но на помощь, как всегда вовремя, подоспел Эллак.

Он заметил приближение большого войска всадников издалека. И почти сразу узнал Олкаса, который неизменно скакал впереди своей армии на сером стройном скакуне, который выделялся среди прочих лошадей своей статью и грацией.

Наследник великого хана тут же выехал ему навстречу. Когда два всадника поравнялись, гунн, несмотря на полагающийся поклон вассала, обнял Олкаса как старого товарища — крепко, по-дружески. Затем, чуть отстранившись, он внимательно посмотрел на друга и с искренней заботой спросил:

— Как твоё самочувствие, Олкас? Дорога была долгой.

На что Олкас улыбнулся и его лицо, обветренное и загорелое, осветилось радостью.

— Я в порядке, друг мой. Путь был быстр, а воины крепки.

Эллак кивнул и, понизив голос, произнёс:

— Среди заносчивых королей и прочего сброда ты, Олкас, единственный, кого я искренне рад видеть. Я знал, что Сарматы быстры на сборы, а потому подобрал вам хорошее место для стоянки — там достаточно воды и травы для коней. Располагайтесь и отдыхайте. Всё, что нужно для этого, мои люди вам поставят.

Он сделал небольшую паузу, окинул взглядом суету лагеря и добавил:

— Видимо, придётся немного подождать. Сколько — не знаю. Мой отец настроен решительно, но возникли вопросы, которые нужно решить прежде, чем отправиться в поход. Скажу по-братски: на этот раз мы отправимся покорять Галлию, а возможно, и Рим.

Глаза Олкаса загорелись — он выпрямился в седле, а его рука невольно легла на рукоять меча.

— Я тоже рад тебя видеть, мой друг! Вместе с тобой я готов покорить полмира, — улыбаясь, вымолвил хан.

Эллак ответил ему такой же тёплой улыбкой и шутливо возразил:

— А почему половину мира?

Олкас рассмеялся и простодушно парировал:

— Остальной частью мира пусть правит твой отец.

Эллак громко расхохотался, запрокинув голову.

— Не зря Аттила, когда-то сказал про тебя, что ты достойный сын своей матери. Кроме тебя так могла ответить только Ора, — выдавил он сквозь смех.

Оба воина ещё некоторое время стояли рядом, обмениваясь новостями и вспоминая минувшие дни, а вокруг них бурлила жизнь огромного лагеря — предвестника грядущих великих событий.

Глава четвёртая

Мец

В 450 году нашей эры, вождь гуннов, обратил свой взор на Западную Римскую империю — некогда могущественное государство, которое к тому времени погрузилось в глубокий военно-экономический упадок и переживало острый политический кризис. Внутренние распри, ослабление центральной власти и постоянные набеги варваров подорвали силы Рима. Провинции страдали от разорения, а армия уже не могла эффективно защищать границы.

Аттила, известный своей дерзостью и амбициозностью, выдвинул дерзкое требование правителю Западной Римской империи Валентиану III: он потребовал руки его дочери в браке, а в качестве приданого — всю Галлию, богатую и стратегически важную провинцию. Это был не просто брачный союз, а откровенный ультиматум: фактически Аттила претендовал на контроль над обширными римскими землями.

Император Валентиан III, несмотря на слабость империи, ответил решительным отказом. Оскорблённый таким ответом, Аттила в январе 451 года начал масштабное вторжение в Галлию — территорию современной Западной Франции. Его армия, собранная из разноплемённых кочевников и покорённых народов, представляла собой грозную силу.

Первой крепостью на пути гуннов стал Мец — важный опорный пункт на северо-востоке Галлии. Город, окружённый мощными каменными стенами, был готов к обороне. Его гарнизон, хоть и уступал в численности армии Аттилы, был полон решимости сражаться до последнего.

Ранним утром передовые отряды гуннов появились у стен Меца. Их всадники, быстрые и манёвренные, кружили вокруг крепости, провоцируя защитников на ответные действия. Серые стены города грозно встретили незваных гостей: с бастионов полетели тысячи стрел, пытаясь остановить первых разведчиков. Но опытные воины Аттилы лишь подразнили неприятеля своим присутствием — они не собирались вступать в серьёзный бой до подхода основных сил. Сделав несколько демонстративных атак, всадники внезапно исчезли в степи, оставив после себя лишь клубы пыли.

На следующее утро перед Мецем развернулась ужасающая картина: огромная армия гуннов встала лагерем у стен города. Кочевники раскинули свои юрты, развели костры, а их кони заполнили окрестности. Горожане, выглядывавшие из-за укреплений, содрогнулись от ужаса: численность войска Аттилы казалась неисчислимой.

Из глубины этого людского моря, медленно и неумолимо, выкатились стенобитные машины. Громоздкие сооружения на деревянных колёсах, защищённые широкими экранами из кожи и дерева, начали продвигаться к стенам крепости. Римляне отчаянно сопротивлялись: стрелы тучей летели с бастионов, горячая смола лилась на наступавших воинов, обжигая их и замедляя продвижение. Но натиск гуннов был слишком силён.

Вскоре в стенах Меца появились первые проломы. Через них в город хлынула армада племён, объединённая под знаменем Аттилы. В первых рядах, как всегда, были сарматы — опытные всадники, чьи атаки славились своей стремительностью и жестокостью. Они ворвались в Мец, словно смерч, проносясь по узким улицам и безжалостно расправляясь с теми, кто пытался оказать сопротивление.

Город охватили пожары: деревянные дома, подожжённые факелами захватчиков, вспыхивали один за другим. Дым застилал небо, а крики горожан смешивались с боевыми кличами гуннов. Сарматы, закончив резню, начали собирать пленных. Не менее трёх тысяч римлян, в основном женщин и детей, были выведены из города с арканами на шее. Их тут же продали работорговцам, которые ждали на равнине, словно стервятники, предвкушая богатую добычу.

Не задерживаясь в разорённом Меце, армия Аттилы двинулась дальше. Следующими на её пути оказались города Тонгерен и Реймс. Они пали один за другим, не сумев противостоять мощи гуннского нашествия. Волна разрушения катилась по Галлии, и казалось, ничто уже не сможет остановить её.

Глава пятая

Осада

Париж едва не оказался в руках захватчиков, настолько яростен и силён был натиск гуннов. Горожане уже готовились к худшему, но в самый последний момент судьба повернулась иначе: Аттила неожиданно изменил планы. Вместо того чтобы завершить штурм Парижа, орда повернула южнее — туда, где раскинулись богатые владения вестготов. Целью гуннов стала их столица Аврелиан — город, который много веков спустя обретёт имя Орлеан.

Вестготы, потрясённые стремительным натиском кочевников, оказались перед лицом смертельной угрозы. Осаждённый Аврелиан держался из последних сил, но было ясно: без внешней помощи город падёт. В отчаянии вестготские вожди отправили в Рим срочное посольство с мольбой о помощи.

«Вечный город» к тому времени уже лихорадочно готовился к схватке с «бичом Божьим». Весть о нашествии Аттилы заставила римских политиков и военачальников забыть о распрях. В столице империи кипела напряжённая работа: формировались отряды, собирались припасы, укреплялись стены. Но главное — Рим спешно создавал широкую коалицию против гуннов.

Ключевую роль в этом титаническом деле сыграл Флавий Аэций — лучший на тот момент римский полководец и искусный дипломат. Его судьба была необычна: в юности он провёл немало лет у гуннов в качестве заложника. Это позволило ему досконально изучить обычаи, тактику и психологию кочевников. Теперь же накопленные знания помогали ему выстраивать стратегию борьбы с Аттилой.

Усилиями Аэция империи удалось объединить для борьбы с гуннами весьма солидные силы. Римляне привлекли на свою сторону целый калейдоскоп народов со всех границ империи, в которую входили: галлы, хранившие память о былой независимости, но понимавшие, что перед лицом общей угрозы нужно объединяться; вестготы, чьи земли уже подверглись нападению; франки, жаждавшие доказать свою силу в большом сражении; бургунды, видевшие в союзе с Римом шанс укрепить свои позиции; алеманы, давно соперничавшие с гуннами за влияние в регионе; саксы, готовые сражаться за богатую добычу; часть аланов, чьи конные отряды славились по всей Европе; даки, помнившие набеги кочевников на свои селения; кельты, не забывшие старые обиды; германцы из разных племён; а так же аморианцы, леты, рипарийцы и многие другие племена варваров.

Важным дипломатическим успехом Аэция стало заключение союза с аланами против гуннов. Аттила очень рассчитывал на помощь аланского короля Сангибана — его конница могла бы значительно усилить гуннскую армию. Но римские послы оказались проворнее: они сумели убедить Сангибана, что союз с Римом принесёт его народу больше выгод, чем служба Аттиле.

Тем временем осада Аврелиана продолжалась, и для сарматов — союзников гуннов — эти дни казались бесконечно долгими. Привыкшие к стремительным набегам и постоянным перемещениям, воины томились у стен города. Чтобы не терять боевой формы, они целыми днями упражнялись в стрельбе из лука.

Сарматские всадники подскакивали совсем близко к крепостным стенам, демонстрируя своё презрение к защитникам, и выбирали мишени из числа любознательных горожан. Некоторые жители Аврелиана, не осознавая опасности, поднимались на стены, чтобы посмотреть на грозных кочевников или даже подразнить их. Эти неосторожные действия порой стоили им жизни: меткие стрелы сарматов находили свои цели с пугающей точностью.

И вот, в начале лета 451 года, произошёл случай, который изменил ход осады. Тысячник из отряда Аршаина, опытный воин с зорким глазом, заметил среди защитников города фигуру в богатых доспехах. Это был высокопоставленный римлянин — судя по всему, один из командиров гарнизона. Он смело раздавал команды своим подчинённым, находясь вне укрытия, и тем самым представлял собой отличную мишень.

Тысячник вскинул лук, на мгновение замер, прицеливаясь, и отпустил тетиву. Стрела, просвистев в воздухе, поразила цель — римлянин пошатнулся, не удержал равновесие и камнем полетел вниз. К счастью для него, падение пришлось в наполненный водой ров, который защищал город по всему периметру.

Тотчас внутри крепости поднялся необыкновенный шум: крики, топот ног, звон оружия. Это насторожило сарматов. Ворота города со скрипом открылись, и в проёме показалась когорта римлян. Воины были построены в плотный строй, прикрывшись объёмными щитами. Они двинулись в направлении рва, где лежал всё ещё живой их командир.

Увидев это, тысячник крикнул соплеменникам:

— К бою!

И повёл своих воинов в атаку. Сарматы бросились вперёд с дикими криками, размахивая мечами и потрясая копьями. Кратковременное, но ожесточённое сражение завершилось победой сарматского отряда: римляне, застигнутые врасплох, были разбиты. Победители не только отогнали противника, но и сумели забрать с собой раненого начальника — центуриона, который, несмотря на рану, оставался в сознании.

Пленный центурион, понимая, что сопротивление бесполезно, рассказал сарматам важные новости. По его словам, незадолго до этого в крепость через потайной ход прибыл гонец. Он сообщил, что объединённая римская армия во главе с Флавием Аэцием приближается к Аврелиану.

Эта весть быстро достигла Аттилы. Оценив ситуацию, вождь гуннов принял решение: он тут же снял осаду города и занялся поисками подходящего места для решающей битвы. Гуннская орда начала перемещаться вдоль Луары, выбирая позицию, которая позволила бы максимально использовать преимущества их конницы. Судьба Галлии теперь должна была решиться в открытом поле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.